

шолтда

А.С. Черняев

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ: БРЕЖНЕВ – ГОРБАЧЕВ (I)

Ключевые слова: Брежнев, Горбачев, эпоха, национальный вопрос, «холодная война», разрядка, перестройка

Идея пришла в голову моему другу профессору Владлену Логинову, которому в своих работах приходилось заниматься и проблемами «вождей». Он убеждал, что у меня получится. Ты, говорит, с обоими работал, ты прожил обе их «эпохи», ты их видел вблизи, как мало кто из оставшихся в живых!

Не без колебаний я согласился, тем более что идею поддержали другие мои коллеги с последней «службы». Но еще и потому, что я в свои за 90 — окончательно теперь пенсионер, которому чем-то нужно заняться.

Предлог для такой темы легко нашелся. Сравнительно недавно перевалило за сотню лет со дня рождения Брежнева. Скоро 30-летие со дня его смерти. В прошлом году Горбачеву исполнилось 80. Недавно состоялось 25-летие его прихода к власти и 20-летие ухода из Кремля.

Вроде как формальность. Но человечество воспринимает свое существование по календарному графику.

Почему такая «пара»? Ведь люди совершенно, казалось бы, не похожи.

Однако история свела их в общий контекст страны и мира во второй половине XX столетия. Тому и другому пришлось возглавить великую державу, «империю» в период ее упадка и окончательного падения.

Случайно ли в нарезанные историей периоды в руководителях страны оказались именно они? Отнюдь нет. Сам тот факт, что их личность столь заметно запечатлелась в жизни государства и общества, свидетельствует о том, что они были именно тогда востребованы внутри и вовне, что они органичны для нашей нации в тех ее состояниях. Один олицетворял медленно уходящий сталинизм и охранительное хвостовство. Другой — время, которое образно можно представить так: вот вам свобода, и почти все позволено, но в пределах справедливости.

Личность Брежнева, как ни странно (весьма дюжинный человек по природным данным), наложила выразительный отпечаток на все годы его при власти — и как символ, и как фактор если не развития, то, во всяком случае, *бытования* советского общества. Не зная хотя бы приблизительно, каков он был, невозможно представить себе более или менее реальную картину тогдашнего нашего времени.

Горбачев — личность явно незаурядная. Вычеркивая его и перестройку, как это делают после него наши правители и служащие им СМИ, мы отказываем себе в возможности — и моральном праве — разглядеть перспективу (скорее всего, единственно альтернативную апокалипсису) эпохи, начало которой положил Горбачев.

Достойны ли эти два человека доставшегося им поста — вопрос не для историка, а для шоумена. То, что они там оказались, — исторический факт, у которого тысячи самых разнообразных причин, предмет изучения для многих наук, не только гуманитарных.

Став во главе великой страны, они сыграли ту роль, какую только они и именно они могли сыграть. И роль значительную¹.

Что касается их «взаимосвязи», то тут еще проще: не было бы Брежнева — не было бы и Горбачева. И судьба «дела» Брежнева не была бы такой, какой «завершил» ее Горбачев. А судьба «дела» Горбачева была бы иной, если бы ему не предшествовала «эпоха Брежнева».

Неизбежность исчезновения этой эпохи ощущалась вполне отчетливо. Он, этот упадок, шел по всем линиям — экономической, политической, идеологической, обнаруживал себя в ментальной и возрастной деградации на высших этажах власти. Все это более или менее фотографично отражено в моем дневнике, изданном под названием «Совместный исход»².

Симптомы разложения учащались. КГБ докладывал не только о диссидентах и эмигрантских настроениях, но и о забастовках то здесь, то там, о микробунтах, о попытках мятежей, в том числе с национальной окраской. Опасным для режима (в свете нашей предреволюционной истории, когда произошел открытый разрыв между властью и наиболее культурным элементом общества) было и то, что от него отшатнулась интеллигенция — не убежденные антисоветчики типа Солженицына, а обычная, обывательская, рядовая. Уже мало кто считал советскую (социалистическую) власть «своею».

Дело могло кончиться всесоюзным «Новороссийском», и не обязательно с таким же результатом, как у Хрущева в 1962 г. Альтернативой было нечто подобное тому, что предложил Горбачев. Именно такого типа лидер был неизбежен. Ибо назрело (и перезрело, как и 100 лет назад) раскрепощение, которое давало надежду и возможности. А что получилось, это уже другой вопрос. Готов согласиться с кандидатом в президенты Михаилом Прохоровым, который в программе у Познера сказал примерно следующее: ломать надо было, но не знали и не могли знать, чем заменять.

В результате получили ельцинщину и путинщину, которая возвращает Россию «на круги своя», подтверждая печальную мудрость Ключевского.

Как писать такое «сочинение»? Сначала об одном, потом — о другом? Но тогда не получится «двойного портрета» — да и, пожалуй, банально. Значит, надо ухитриться давать их в сопоставлении. Но кого больше? Наверное, того, кто больше забыт. Решил отобразить такие темы,

¹ Оговорюсь на всякий случай, что в моем «сочинении» речь пойдет о Горбачеве как государственном деятеле во власти, а не потом, когда пошла совсем другая история, которая не могла не отразиться и на его личности.

² Черняев А. С. 2008. Совместный исход. Дневник двух эпох: 1972—1991 годы. — М.

в рамке которых эти люди виднее и как индивидуумы, и как политики. Скажем, «война и мир», место страны в мировом сообществе, экономика, национальный вопрос, идеология, «проблема женщины», самооценка. И что-то попутно.

I

У Брежнева и Горбачева общий «выход» в лидеры «союзного масштаба». Они — из номенклатуры, причем из тех, кто отличился на «партийно-хозяйственной» работе (если употреблять термины их времени) обкомовско-республиканского уровня.

«По крови» — оба украинско-русского происхождения. У Брежнева, правда, это официально не обозначено. Но мужской тип не русский, достаточно поставить его рядом с такими его коллегами, как Косыгин, Устинов или Сулов. Имеет ли это значение? Имеет. Достаточно поразмышлять о том, что было бы со страной, с нами, если бы на рубеже 1920—1930-х годов во главе ее оказался, скажем, Киров, Рыков или Бухарин, а не Сталин.

По характеру оба не мстительны и не злобливы. Оба не в полной мере использовали непомерную власть, исходящую от должности. Многое — причем в главном — делалось помимо них и вопреки им.

Брежнев как человек «в себе и для себя». Те, кто общался с ним в Завидово (его загородном охотничьем хозяйстве) или в других местах, готовы для него тексты, могли наблюдать его «вне службы», соприкасаться с его вкусами, «измерять» его «культурный уровень», оценивать его манеры, приятные и неприятные. Он не очень-то закрывался от нас, окружавших его за городом, в «бытовой обстановке». И не потому, что он такая уж открытая натура, нараспашку. Скорее это походило на поведение доброго барина, который не считает нужным стесняться себя в чем-то в присутствии «дворовых», к которым привык, и уверен, что особенно болтать они поостерегутся. (Кстати, ничего подобного не было и даже представить себе невозможно у Горбачева.)

Однако была и другая сторона его «открытости». Он приблизил к себе интеллигентов «высшей советской пробы» — Иноземцева, Бовина, Арбатова, Загладина, Шишлина, Ковалева (из МИДа)... Допущенные к сверхзакрытой информации, широко образованные, реалистически мыслящие и владеющие пером, они сумели использовать «разумное и доброе» в натуре Генсека для корректировки политики — там, где это было возможно в рамках системы.

Регулярное неформальное общение их с Брежневым, советы, собственные мнения и возражения, в которых они себя с ним не стесняли, а главное — «стилистика» изложения политических установок, которая на 90% была в их руках, сказались прежде всего во внешних делах, а именно в повороте к курсу на разрядку с Западом, в изменении отноше-

ния к «третьему миру», в отходе от безоглядной поддержки «национально-освободительного движения», опасной, недальновидной, наносившей вред нашим государственным интересам.

Доверенная этим людям «форма» провозглашения политики снимала с нее идеологическую оголтелость, что в ядерный век и вообще в международных отношениях неизбежно отражалось и на содержании, делая его более «цивилизованным». Риторика, как известно, — большая сила. Иногда она просто заменяет политику. Откровенные разговоры с такими людьми не только характеризовали самого Брежнева, но и оказывали влияние на подходы Генсека также и к внутренним делам, включая идеологические.

«Натура» Леонида Ильича конкретно высвечивалась в его рассказах об охоте, о случаях из жизни, о наградах и званиях, в его восприятии лести и комплиментов в лицо.

Вот зарисовки из Завидово (середина 1970-х годов, ему около 65-ти).

Обычно за завтраком он подробно рассказывал, как брился, как поплавал в бассейне, как долго размышлял, во что одеться, принимался расхваливать какую-нибудь свою куртку или фуфайку, вспоминать, откуда она у него взялась. Однажды пришел в кофте, которую, говорит, надевал лет 15, забыл, что она существует, и обнаружил запытанной глубоко в шкафу.

Он плохо спал и постоянно на это жаловался. Например, однажды: «Лег в безрукавке, а я не люблю, когда руки открытые, летом — другое дело... Встал, накинул халат — мало ли, может, докторша зайдет. Пошел к столу, думал выпить молока, люблю можайское, хват, а его нет, доктор спер. Или сам выпил (*доктор, Михаил Титыч, молодой хваткий врач, отнекивается, отшучивается*). Пришлось боржомом удовольствоваться. Позвонил Володе (*охраннику*): принеси, говорю, газету — дай, думаю, речь Сусллова в Гаване почитаю. Тот принес, но читать расхотелось. Пошел было спать, но вспомнил про безрукавку, снял ее. Достал из шкафа свою любимую рубашку, ей тоже лет 15, заштопанная вся, и сразу успокоился, потому что привык к ней... Валя, там дырка еще одна образовалась. Придешь завтра ночью заштопать? А то у меня полпостели пустует». Все смеются, а Валя, зубастая стенографистка, подмигнув, озорно: «Конечно, Леонид Ильич, только Вы смотрите не раздумайте!»

Объявил нам как-то, что из вещей любит часы и оружие. Действительно, часов у него целая коллекция. Ко дню рождения ему еще наслали. Министр электроники подарил какие-то замысловатые, без циферблата, показатели времени «выскакивают» каждую минуту. Долго разъяснял нам и показывал, как они действуют.

Однажды явился в «зимний сад» перепоясанный военным ремнем с кобурой американского типа (рукоятка наружу). Мы толпились, окружив его. Он картинно выхватил пистолет (а он был явно не лишен актерского дара, говорил, что в молодости, когда учился в Курске, под-

рабатывал статистом на сцене), наставил его в живот Арбатову. Тот отпрянул. «Не бойсь, академик, я шучу!» Объяснил нам, что взял у гэбэшников этот уникальный бесшумный пистолетик, который, однако, обладает огромной останавливающей силой, не меньшей, чем «кольт», подаренный ему в США ковбоем. Показывал нам в другой раз и этот «кольт». Рассказал, как из этого пистолета добивал раненого кабана: «Прошил его насквозь, а тот все еще сучил ногами и, когда отошли, вскочил и еще метров 50 пробежал. Вот силища! Удивительно живучий зверь!»

Об охоте (а он ездил на охоту через день часа на два-три) рассказывал и за трапезой, и в ходе работы над текстами: «Залезли на вышку, ждем. Нет и нет. Вдруг целое стадо. Первый вышел из-за дерева: я его раз — готов! Другой за ним: я его раз — готов! И так подряд восемь штук, без промаха! Зверь-то ведь чуткий и умный. Но видит только на уровне своих глаз. Что над ним — а мы ведь на вышке, — не видит. Зато нюх и слух изумительные. За километры чувствует. Если ветер переменится — не жди, охоты не будет».

Замечу попутно: отношение Горбачева к охоте принципиально иное. Он рассматривал это занятие как участие в уничтожении природы.

Брежнев был патологически падок до наград и званий. Трижды Герой Советского Союза плюс Герой Социалистического Труда, с невероятным количеством разных орденов, не только советских.

Вот эпизод, где эта страсть дошла до «геркулесовых столпов». В зале собраний в ЦК создали (1976 г.) районных и обкомовских функционеров. Под конец к ним вышел Генсек. Появился он сзади, пошел по проходу, через зал. Все вскочили, овация, крики... Поднялся в президиум и заговорил:

«Вот Костя (*секретарь ЦК, зав. Общим отделом Черненко, после смерти Брежнева — Генсек*) заставил меня выступать перед вами. А чего говорить — не знаю. Вроде мы с вами встречались два года назад. (*Черненко вскакивает: «Два года и 31 день, Леонид Ильич!»*) Ну вот... Память-то, видите, у меня какая! Да... Мы вам тогда слово дали? Дали. И сдержали. Тогда вы были зав. секторами, а теперь зав. отделами. И зарплата другая, и положение другое. Правду говорю?! (*Бурные аплодисменты.*)

Ну, вы знаете, съезд мы провели недавно. Большое событие. Будем теперь выполнять. Что вам сказать? Я без шпаргалок. (*Показывает карманы.*) Говорят, итальянцы, французы болтают про нашу демократию. Не нравится она им. Мы пойдем своим путем! (*Делает жест, как на ленинских памятниках.*) Американцы дураят. Просыпаюсь тут утром. Делать ничего не хочется... (*Потягивается.*) Приносят шифровку. Мол, Форд (*президент США*) просит отложить подписание договора о ядерных взрывах (*в мирных целях*). Ах ты, думаю... Кладу резолюцию: „Отложить, но пусть он теперь меня как следует попросит еще раз — подписывать“.

На днях, вы знаете, большое событие было. Поставили мне бюст. А Политбюро вынесло постановление присвоить мне как Генеральному секретарю и Председателю Совета Оборона звание маршала Советского Союза. Это важно. Вы, конечно, отметили это событие в своих выступлениях на вашем совещании. (*Черненко вскакивает: «Да, конечно, Леонид Ильич, все об этом говорили с большим подъемом...»*)

Костя меня уговаривал придти сюда в маршальском мундире...»

Черненко: «Да, да, Леонид Ильич, все очень хотели видеть Вас в мундире. Но раз уж Вы... Мы тут...» И поднимает из-за стола президиума портрет Брежнева при полных регалиях. Держит обеими руками перед собой. Овация.

Черненко ставит на стол портрет, выглядывает из-за него и кричит в зал: «Леонид Митрофанович, давай...». Из второго ряда поднимается Замятин (директор ТАСС) и несет в президиум еще один портрет, тоже в маршальском одеянии, но в красках (первый был — увеличенная фотография)... Два высоко поднятых портрета... Овация!

«Ну что вам еще сказать, — продолжает Брежнев. — Событий много. Пусть шумят, кому мы не нравимся. А мы пойдем своим путем!» (И опять ленинский жест.)

19 декабря у Брежнева день рождения. (В 1976 г. он в это время был со спичрайтерами в Завидово.) Он задолго начал об этом говорить. Чувствовалось, что придает значение, как и вообще оценивает себя очень высоко. Сомнения с чьей-либо стороны в масштабах его роли даже не вызвали бы у него гнева; они казались ему нелепыми и смешными. Заранее сказал нам, что не хочет встречать день рождения в кругу «своих коллег». «С Викторией Петровной (*женой*) мы давно условились на этот счет — тут обид не будет. А праздничный торт она спечет нам и пришлет, а мы выпьем за нее тут».

Однако он слетал-таки на вертолете в Москву, но побывал только дома и ни с кем из «коллег» не встречался. Хотя (судя по звонкам) те явно рвались поздравить — хоть по телефону.

Черненко собирал поздравительные телеграммы и прислал их перечень Брежневу. Все обкомы поздравили и т.д. Но особенное удовольствие Л.И. доставили «письма трудящихся». Впрочем, это были не только поздравления, но и письма к XXV съезду. Зачитывал нам выдержки: один предлагает сделать Брежнева генералиссимусом, другой — пожизненным Генсеком, третий дает оценку его заслуг в стихах. Брежнева явно волновали такие вещи. Он простодушно-одобрительно комментировал восторженные и часто наивные оценки его деятельности.

Опять попутно: Горбачеву в его время тоже слали подобные телеграммы. Помню, только однажды он зачитывал их перед нами, помощниками. Но это были телеграммы, где его крыли за Нобелевскую премию мира, которой его «наградил империализм».

Вечером Брежнев вернулся в Завидово. С семи до полуночи сидели за столом, «при свечах». Говорили тосты. Грубого подхалимажа не было. Все говорили дело — о действительных его заслугах и действи-

тельно хороших его человеческих качествах. Под конец его упростили почитать стихи. И он опять (как в 1967 г. на прощальном ужине после завершения работы над докладом) читал очень выразительно Апухтина, Есенина, еще кого-то.

Наутро, еще немножко хмельной, он почему-то вспомнил парад Победы 1945 г. Встал и рассказал три эпизода. Как он, явившись раньше других в банкетный зал, пошел поближе к «отсеку» президиума, где должен был появиться Сталин, и опрокинул стул с горкой запасных тарелок (десятка три). Как они с Покрышкиным пили в ресторане «Москва» и, когда их стали выдворять (после 12 ночи), Покрышкин извлек пистолет и начал стрелять в потолок. Доложили Сталину. Тот отпарировал: «Герою можно!». И как он, возвращаясь с женой с победного банкета в дребадан, беседовал с Царь-колоколом. Картинно изобразил это, с жестами, пьяными ужимками, спотыканием и т.п.

Охарактеризовать мужчину (в том числе государственного деятеля) точно и полно можно лишь выяснив его *отношение к женщине* как «явлению» гендерному и общественному. Здесь соединены и «природа», и воспитание, и, конечно, культура. То или иное отношение к женщине и отношения с женщинами сказываются на всем характере мужчины. И, безусловно, оказывают влияние на политику, когда тот при политике. (А когда женщины сами оказываются во власти, то же происходит «наоборот».)

Так вот, Брежнев и Горбачев в этой «сфере» — совершенно разные «категории».

Оба они были в свое время «хороши собой», даже красивы. Но у разных мужиков, при разных обстоятельствах это качество влияет на жизненную позицию и поведение по-разному.

Горбачев однолюб. История их любви с Раисой Максимовной уникальна и прекрасна. И все же то, что он сделал ее «первой леди» в советской стране, — не только продукт этой любви, но и политическая акция. Это был вызов советско-обывательскому отношению к женщине, к ее статусу как таковой и как «существа общественного».

Горбачев не раз поднимал на Политбюро женский вопрос. Стыдил себя и «всех нас» за постыдное отношение к женщине, даже ставил в пример ее положение в дворянских семьях, «в свете» императорских времен (в идеальном, понятно, виде, в каком он представлен в великой русской литературе и искусстве).

Он всерьез занялся женским движением. Политбюро долго искало замену Валентине Терешковой в роли председателя Союза советских женщин. Та была удачна с имиджевой точки зрения, но «порученным делом» (опять же термин тех времен) не интересовалась. Нашли Зою Павловну Пухову. Ткачиха, директор фабрики, «передовик производства», депутат Верховного Совета. Мила и даже красива. Но развернуться на новом поприще не успела. Здесь, как и во многом другом, с перестройкой опоздали.

Горбачев сам выступил на международном женском конгрессе в Москве, обязательно и отдельно общался с женщинами в своих поездках по стране и за рубежом.

Он — и как мужчина, и как политик — высоко ставил «женское начало» в обществе, исходя из того, что мораль — как частная, так и общественная — напрямую зависит от положения женщины в стране, от ее реального и формального статуса в государстве.

Брежнев «женский вопрос» как таковой едва ли занимал. Не помню, чтобы он заводил о нем разговор на Политбюро, а на пленумах ЦК этот вопрос фигурировал разве что в контексте трудовой деятельности женщин.

В начальственно-мужском обиходе у Брежнева было много женщин. Были и симпатии, и предпочтения. Но уважал ли он их?.. Вот зарисовка из Завидово.

За обедом Брежнев, наклонившись к соседке по столу (женщине лет тридцати, миловидной, умной), говорит: «Не помню, по какому случаю, надо было мне очистить желудок. Доктор дает какие-то шарики. Ем два, потом три. Потом горсть — никакого результата. Все в больнице поражены, никогда такого не видавали. А мне хоть бы что. Но часа через полтора как взорвет, прямо хоть на Луну лети ракетой». Все немножко смущены, но делают вид, что смешно.

В другой раз за завтраком говорит другой женщине, недавно появившейся в Завидово: «Ты что губы-то так ярко намазала? Это чтоб не прикасаться к тебе, что ли? Но я ведь не посмотрю...» Потом, увидев, что она вся смешалась: «На вот, возьми пирожок (*подает ей*)... Что ты уж так! Я ведь шучу!»

В Завидово для подготовки брежневских текстов выезжали, наряду со спичрайтерами, стенографистки, машинистки, медсестры, официантки, поварахи. Как правило, хорошенькие и неглупые. Некоторые просто интеллигентные. Не берусь судить, был ли «интим» — и с которой или с которыми из них. Но имел место такой эпизод. Одна очень приглянулась мне, и показалось — не без взаимности. Однажды ночью я попробовал к ней проникнуть. Она меня «в ужасе» прогнала. А заметивший мой маневр охранник на утро «по-дружески» мне шепнул: «Вы очень рискуете, Анатолий Сергеевич!» Отнести это предупреждение на счет бдительности этого парня, который, мол, обязан следить за нравственностью на «производственном объекте», почему-то не получается. Скорее он уберег меня от гнева «хозяина», на «собственность» которого посягнули.

Супругу свою Брежнев держал в режиме «сиди и не высывайся», как, впрочем, и другие наши «водители» постсталинского калибра. А отеческая терпимость к скандальным похождениям своей дочери тоже не способствовала «укреплению морали» в советском обществе.

Вот такой лихой жизнелюб, по природе бабник, простодушно самовлюбленный, себе на уме и с характером, управлял державой. А она

катилась себе и катилась к закату, размахивая ядерными ракетами, по которым вокруг и судили главным образом о ее «величии» и мощи.

Правителям империй уместно прежде всего предъявлять *тест на «интернационализм»*, то есть на их отношение к неизбежной многонациональности своего «хозяйства». Брежневский подход близок к царистско-сталинской модели, где если и притесняли народы, то по державным соображениям, а не потому, что они «другой крови» и вероисповедания. Горбачевский ближе к австро-венгерской модели, постепенно — но с большим опозданием — эволюционировавшей к конфедерации или даже к модели «соединенных штатов».

Так или иначе, но и Брежнев, и Горбачев — интернационалисты советского образца.

Начну, однако, с «еврейского вопроса». Почему? Потому что самый верный оселок для настоящего русского мужика, его интеллектуального и морального уровня (и порядочности) — проверка на антисемитизм. В СССР, в России «еврейский вопрос» — по существу, *русский* вопрос, с ним связано (употреблю недавно вошедший в обиход термин) самостояние русских как великой нации. Таким «еврейский вопрос» был лишь краткое время после революции, при Ленине, когда снято было понятие господствующей нации.

Но дело не только в этом. Значение аккумуляции еврейского начала в креативный потенциал общества доказано на примере многих стран. А в России после 1917 г. этот процесс получил мощный стимул от интернационалистской политики революционного государства. Энергия и таланты этой необыкновенной нации сыграли огромную роль в создании советской индустрии, в развитии науки и техники, в медицине, в музыке, в театральном и киноискусстве, в поэзии и вообще в литературе, в архитектуре и живописи...

Отторжение евреев, их дискриминация, начатые Сталиным, нанесли серьезный ущерб и нашей экономике, и науке, и культуре, и — не в последнюю очередь — общественной морали.

Поэтому и Брежневу, и Горбачеву пришлось иметь дело с «еврейским вопросом». Ни тот ни другой не были «зоологическими» антисемитами, хотя именно при Брежневе почти в открытую практиковался государственный антисемитизм. Инерцию, заданную сталинским «космополитизмом», ставившим евреев под подозрение как потенциальную «пятую колонну», прочно увязали с «холодной войной». Но, наблюдая Брежнева вблизи, я ни разу не заметил в нем антисемитского душка, который, если он присутствует в человеке, где-нибудь и как-нибудь обязательно да прорвется. У Брежнева «не прорвалось», хотя он и не реагировал на сомнительные шуточки кое-кого из его коллег, у которых «душок» присутствовал.

Однажды на Политбюро Брежнев вдруг говорит: «Нехорошо, у нас на руководящих постах почти уже совсем не осталось евреев. Один Дымшиц (зам. Председателя Совмина СССР). Везде мы его в этом

качестве демонстрируем. Надо поправить: зачем нам создавать впечатление, что у нас какие-то антисемитские соображения в этих вопросах...»

После арабо-израильской войны 1967 г., из-за которой СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем, и особенно в связи с войной 1973 г. «еврейский вопрос» у нас, не меняя своей сути, пополнился новым содержанием. Советские евреи, оскорбленные поощряемым сверху антисемитизмом, «воспряли духом», их национальная гордость приобрела опору. И Брежнев как государственный деятель это учел.

Хаммер, американский миллиардер, знававший еще Ленина (у нас его бизнесом были нефть и произведения искусства), будучи принят Брежневым, убеждал его восстановить отношения с Израилем. Все проблемы легче, мол, будет решать, прежде всего с вашими евреями. Будете всех, кто хочет уехать, отправлять в израильское консульство, и пусть разбираются. И вообще, надо вам что-то решать с евреями. Вы по-прежнему недооцениваете силу и влияние сионистов в США. Ведь это они добились отстранения Никсона.

Брежнев: «Я дал указание отпускать всех, кто хочет, за исключением причастных к оборонным и другим государственным секретам. Остальные пусть едут».

Кроме того, продолжал Хаммер, и на Ближнем Востоке вам легче будет, сможете прямо влиять на Израиль... Примите опять послом в Москве Голду Меир и, уверяю вас, тысячи проблем сразу потеряют остроту. Ведь иметь дипломатические отношения с государством — не значит одобрять его политику.

Брежнев: «Подумаем, интересные предложения».

Вообще же сомнительно, чтобы Брежнев когда-либо задумывался над «еврейским вопросом» как явлением мирового порядка. Для него он был частью политики, причем той ее частью, где «рулил» не он, а КГБ и Андропов, создавший, между прочим, Антисионистский комитет, куда согнали знаменитых евреев (в том числе, например, красавицу Быстрицкую) и от имени которого поступали наверх докладные, где «хорошие евреи» осуждали евреев — диссидентов и эмигрантов и проклинали Израиль как орудие американского империализма и обидчика дорогих нам «антиимпериалистических» арабов.

Брежнев позволил Андропову свести «еврейский вопрос» к проблеме еврейской эмиграции и «патриотической бдительности» в кадровой политике.

(Думаю, что связанное с возвышением Андропова усиление идеологизации политики, в том числе внешней, и дало предлог Рейгану объявить «крестовый поход» против коммунизма, обозвать СССР «империей зла» и ускорить гонку вооружений с откровенной целью истощения нашей экономики в губительном для нас соревновании. Вообще, попутно говоря, в отличие от многих, помнящих Андропова и ностальгически представляющих его теперешней публике в TV-шоу, я считаю

³ На протяжении целого тысячелетия христианский мир пытался решить «еврейский вопрос». Но никому не удалось: ни испанским королям, ни германским герцогами, ни Николаю I и Николаю II, ни полякам в средневековье и в XX в. после Войны, ни Сталину, ни даже Гитлеру... с его «окончательным решением». Большевики после кошмарных погромов времен гражданской войны просто сняли этот вопрос с «повестки дня». Но Сталин его возродил своей «антикосмополитской» кампанией. Горбачев, прекратив официальный антисемитизм, придушил его и как общественное явление. Ельцин и его преемники не препятствовали дальнейшему развитию этого процесса, даже допустили некую его институционализацию (у нас теперь четыре главные конфессии, включая иудаизм). Но считать его необратимым я бы поостерегся — в условиях «сплошной православизации страны»... местами с черносотенным оттенком. И имея также в виду неуемные амбиции некоторых «ультрамедийных» евреев.

эту фигуру сугубо негативной в нашей истории, не в последнюю очередь по причине «особой приближенности» к Генсеку. Он плохо влиял на деградирующего Брежнева, в том числе во внешней политике. Ему мы обязаны усилением параноидальных антиамериканских и антизападных настроений. И в конце концов он, в компании с Громыко и Устиновым, подбил уже плохо соображавшего Брежнева на афганскую авантюру.

К сожалению, в «раскрутке» личности Андропова, его якобы интеллигентности, порядочности, государственного ума и т.д. немалую роль сыграли мои друзья Арбатов и Бовин, ходившие с Ю.В. вроде как «в приятели», доверенных лицах. Но это à propos, хотя и близко к теме.)

Что касается Горбачева, то его и в самом Израиле, и на Западе справедливо считают «освободителем» советских евреев. Хотя в публичных заявлениях он осторожничал (опять же считаясь с внедренным в сознание номенклатуры и даже в так называемое «народное сознание» «космополитическим» вирусом). Не раз иностранные собеседники просили (и призывали) его публично и официально осудить антисемитизм. Будучи при власти, он этого так и не сделал, даже по случаю круглой годовщины Бабьего Яра. Отговаривался тем, что, мол, в СССР десятки народов и национальностей, что дискриминация любого из них «осуждается», даже преследуется по закону и выделять кого-то не следует. Хотя прекрасно понимал: в советской «дружбе народов» «еврейский вопрос» занимает особое место, как и во всем мире³.

Так или иначе, но именно Горбачев возобновил начатый Великой революцией, но прерванный сталинизмом процесс ликвидации антисемитизма в нашем народе. Это тоже значительный его вклад в гуманизацию современного мира.

Теперь о **национальном вопросе** в целом.

Как вопрос совместного существования он возник лишь по мере созревания других наций, вернее, по мере превращения некоторых национальностей в нации. И с учетом, разумеется, общего социально-экономического положения, которое после прихода Горбачева оставалось таким же, как и за 15 лет до перестройки (об этом подробнее — впереди).

А теперь «общероссийский вождь» сообщает нам в предвыборной статье, что страну развалили те, кто боролся против Центра (Ельцин и К°), и те, кто хотел его сохранить, заигрывая с автономиями, обещая им повышение статуса и т.п. (Горбачев). Стыдно все это читать в XXI в. Ссылка на историю и обыгрывание в СМИ разрозненных фактов — лжепатриотическая демагогия.

Да, были те, кто за Союз, и те, кто против. Но дело не в Ельцине и Горбачеве и их сторонниках, а в движении истории. Дело в том, что за время советской власти и с ее помощью многие народы сложились в нации и захотели быть самостоятельными — по своему естественному

праву. Внутри у них сформировались свои элиты, своя партийная номенклатура и своя интеллигенция. Все эти Кравчуки, Кучмы, Назарбаевы, Каримовы, Алиевы, Кочаряны и т.п., выросшие на русских хлебах, в русских университетах, воспитывавшиеся в марксистско-ленинском интернационалистском духе в столичных и местных партшколах, оказались отъявленными националистами, как только был ослаблен тоталитарный «ошейник».

С другой стороны, русский народ, измученный чрезвычайщиной XX в., устал нести имперское бремя, и ему стало наплевать — разбегутся ли «инородцы» или удержатся рядом. Но жертвовать ради них своим благосостоянием он уже не желал. И принудить его к этому не захотели даже коммунисты, создавшие националистическую, шовинистическую Российскую компартию (РКП), помогшую Ельцину развалить уже основательно подгнившую «социалистическую империю».

То, что г-н Путин не хочет этого видеть, понятно. Он по должности обязан стоять за «единую-неделимую». Но политологи и журналисты, интеллектуалы, образованные люди, почему они закрывают глаза на то, что очевидно для любого грамотного и трезво мыслящего человека? Говорить о том, что распад «империи» — результат прихода к власти Горбачева и его перестройки, как минимум невежество.

Посмотрим на Украину. Она самое главное для единства СССР. Ускоренная украинизация Украины, обсуждавшаяся на Политбюро в начале 1970-х годов, выражала глубинную тенденцию в развитии нации, в которой русофобский элемент укоренился давно и прочно. Ненависть к «москалям» — в острой или приглушенной форме — была «семейной» традицией, передававшейся из поколения в поколение. Недавно нам напомнили о ней в фильме «Белая гвардия», красочно показав петлюровский период в истории становления независимой Украины⁴.

Ни Брежнев, ни Горбачев не считали это явление смертельно опасным для Союза. Горбачев, будучи наполовину украинцем, просто не мог в это поверить. И, побывав на Украине в роли Генсека, вернулся полный оптимизма. На Политбюро, говоря о проявлениях национализма, ссылался лишь на мелкие факты «в отдельных местах».

Брежнев же не должен был, казалось, удивляться украинскому национализму. Он родился на Украине, начал там работать (правда, в русскоязычном Днепродзержинске), там учился в институте. Он прошел через нее с войсками. И прекрасно знал, какая часть украинского народа готова была сотрудничать и сотрудничала с немцами, в том числе и с оружием в руках, в борьбе против России, против советской (русской!) власти. Знал он и сколько украинцев добровольно и охотно исполняли самую гнусную роль в осуществлении немцами Холокоста на территории Украины и по соседству с ней. Знал он и о жестоком искоренении бандеровцев и им подобных, длившемся еще многие годы после Войны. А такие вещи западают в народную память надолго. Знал он и о том, что в оккупированных украинских городах и селах немцы обходились с

⁴ А потом? Уже в общепризнанно независимой Украине русофобия разгорелась новым пламенем, убывающим, правда, от запада к востоку страны. Предвыборные батальоны неизменно включают антирусский ингредиент. Чествуют «героев» расправ с русскими во время Войны, возвеличивают исторические фигуры, отмеченные особой враждебностью к России, дискриминируют русский язык. Все это появилось не вдруг и не вчера, а даже позавчера.

населением, как бы это помягче сказать, более «вежливо», чем с русскими и белорусами.

И это знание, должно быть, хорошо в нем отложилось. Для Брежнева национальный вопрос существовал как «все ли в порядке с дружбой народов?», и нельзя сказать, что он не замечал трещин в этом, казалось бы, монолите. Вот пример, на моих глазах. На заседании Политбюро (апрель 1972 г.) обсуждался доклад Андропова в связи с обнаружением на Украине документа, датированного 1966 г. Суть — против русификации и за отделение. Никогда за всю историю Советской власти, говорилось на заседании, не было такой «украинизации» Украины. Со времен Мануильского и еще раньше Пятакова и других первыми секретарями на Украине были не украинцы: Каганович несколько раз, Постышев, Хрущев и т.д. Так было до Подгорного⁵. А теперь единственное «деловое» и «политическое» качество при подборе кадров — украинец ли? Если да — значит, уже хороший.

⁵ Н. В. Подгорный в 1957—1968 гг. был первым секретарем ЦК КПУ, потом членом Политбюро и Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Брежнев подвел итог: «Я общаюсь с Петром Ефимовичем (*Шелестом, первым секретарем ЦК КПУ*) по телефону почти каждый день, говорим о колбасе, пшенице, о мелиорации и тому подобных вещах. А ведь с 1966 г. ему и ЦК КП Украины известен этот документ, известна деятельность националистов, и ни разу ни одного слова он об этом мне не сказал. Не было для него тут со мной проблемы. Когда уже стало все это известно, поднимаю трубку, спрашиваю у Петра Нилыча (*Демичева*), что он об этом думает. Он стал заверять, что ничего особенного, разобрались, мол, и т.д. Такова позиция нашего главного идеолога — секретаря ЦК КПСС по идеологии»⁶.

⁶ Шелеста Брежнев вскоре снял, заменив его Шербицким. Кстати, Шелест был в Политбюро одним из самых яростных сторонников именно военной интервенции в Чехословакию в 1968 г.

Для Брежнева не было проблемы, как поступать с националистами и сепаратистами. Он и подумать не мог, чтобы ослаблять «имперский ошейник». Нынешний наш Путин, по сути, того же мнения в отношении Российской Федерации, хотя и признает, что «нельзя насильно заставить жить вместе».

И если уж апеллировать к истории, то не вредно вспомнить, что «белое движение» в 1918—1922 гг. погубил лозунг «единой и неделимой», а горбачевская приверженность итогам референдума 1990 г., сохранению СССР в наличном составе ускорила его распад.

Ни глубочайшая хозяйственная интеграция (по существу, одна экономика), ни многомиллионное родство и смешанные браки, ни дружеские, приятельские межличностные связи, ни русский язык, преобладавший на Украине (во всяком случае — в городах), ни то обстоятельство, что значительная часть украинской интеллигенции, особенно ее высший слой, была не просто русскоязычной, но обрусевшей, ни такие «жемчужные подарки», как Крым, ни тот факт, что в союзном госпартаппарате, как и в армии (от старшины до многозвездных генералов), полно было украинцев или полукровок (едва ли не большинство первых секретарей обкомов и вторых секретарей республиканских ЦК были украинцами или наполовину украинцами), ни то, что в составе Политбюро иногда их бывало больше, чем русских... — ничто не удержало Украину.

А без Украины Советского Союза представить себе было нельзя. Напомню: знаменитый антагонист Ленина Петр Струве полагал, что Российская империя должна обязательно включать в себя Малороссию и через нее обеспечивать свое господство над Черным морем, без чего нет Великой, то есть имперской, России. Поэтому на протяжении по крайней мере двух веков Россия употребила столько сил, чтобы «впитать» в себя Украину. Многого добилась. Но к концу XX столетия пошел обратный и неостановимый процесс, начавшийся еще во время Войны. Произошло примерно то, что с Ирландией в британском Соединенном королевстве во время первой мировой войны, когда та встала на сторону Германии.

Что касается «глобальных», исторического значения результатов исчезновения СССР, то время уже рассудило, хорошо это (не без потерь, конечно) или плохо.

То, что состоялся независимый Казахстан, — это плохо? Или Азербайджан, Армения, та же Грузия или даже Узбекистан и Туркмения? О Прибалтике и говорить нечего. Да, некоторые не состоялись, оказались неспособны распорядиться своей независимостью. Но таких и за пределами постсоветского пространства немало.

А вот то, что Чечне устроили кровавую бойню с последствиями на десятилетия вперед, что Грозный превратили в новый Сталинград во имя единства «великой державы», — это, безусловно, плохо.

Но вернемся к теме нашего рассказа.

Горбачев столкнулся с национальным вопросом, когда по стране то и дело начали вспучиваться национальные пузыри и некоторые уже громко лопались. И сначала пошел по брежневско-сталинскому пути. Но быстро понял, что это губительно.

Ни Горбачев, ни кто другой не в состоянии был остановить распад СССР. Украина (как и другие) удерживалась тоталитарным «союзом». В свободном союзе их удержать было невозможно. Нации (и претендовавшие на такой статус) под напором националистов и шовинистов разваливали Союз.

Горбачев объективно действовал в русле неумолимой Истории, которая в XX в. не только обрушила классические (колониальные) империи, но и посягнула на целостность вроде бы «унитарных» государств: Югославии, Чехословакии, Бельгии (а теперь вот шотландцы поставили под сомнение целостность такой мощной фигуры европейской и мировой истории, как Великобритания).

Германия стоит прочно, потому что давно превратилась, по сути, в «соединенные штаты германских земель», часть которых обладает прерогативами, делающими их вполне сопоставимыми с большинством европейских национальных государств.

Императив истории диктовал Горбачеву, который не хотел распада Союза, подчиниться своему философско-нравственному выбору: *свобода важнее единства* в рамках одного государства. Понимая при

этом, что глобализирующийся мир неумолимо будет снижать фактор границ совместной жизни наций.

Позволю себе процитировать из своего дневника за 1972 г.: «В докладе Брежнева о 50-летию СССР отмечено наличие национальной проблемы. Очень взвешенно. А между тем — открытый, наглый антирусизм на Украине, в Литве, на Кавказе etc. Что-то будет с нашей „великой дружбой народов“ лет через двадцать? Спасение только в выведении благосостояния повсеместно хотя бы на уровень Западной Европы и резком рывке в сфере культуры народа: она, кажется, в массе образованного населения падает. Иначе новая диктатура». Это написано за 20 лет до падения СССР. И еще 20 лет шел этот процесс, расширяясь и углубляясь. Ему способствует и установившийся после распада Союза режим, экономически и политически не обеспечивающий состоятельность России как подлинно демократического федеративного государства.

II

По вопросам *армии, «войны и мира»* позиции «героев» моего сочинения тоже различаются, но какая-то глубинная, исторически обусловленная связь в их подходах просматривается.

Брежнев — человек с обычным советско-идеологическим, милитаризованным сознанием, выросший в атмосфере «осажденной крепости». Партийный деятель, он пошел на войну политработником. В звании полковника ее и прошел. Только под самый конец стал генерал-майором. В должности не бог весть какой — начальник политотдела армии, начальник политуправления фронта. Это не комиссарская должность. Комиссары, упраздненные Сталиным в конце 1942 г., обладали огромными правами, равными с правами командира дивизии, полка, батальона. Иногда могли даже отменять решение командира. Сталин, учтя опыт первых лет Войны, понял значение единоначалия. Взамен комиссаров была учреждена должность заместителя командира по политчасти — политрук в роте, батальоне, полку, член военного совета в армии и в штабе фронта. Функции их скорее совещательные, да и то не во всем. Роль такой должности — пропагандистско-воспитательная. Реальное влияние политработника зависело главным образом от отношений с командиром, а авторитет у солдат — от того, принимал ли он лично участие в бою, рисковал ли вместе с ними на передовой и как себя держал с ними на отдыхе...

Этим я отнюдь не хочу сказать, что Брежнев отсиживался в штабных землянках. Тут все зависит от темперамента, от характера человека. То, что написано в книге «Малая земля», отражает подлинное участие Брежнева в боевых действиях. И орден Красного Знамени так просто не давали даже высоким чинам. Думаю, что лично Брежнев был храбрым

человеком и не чурался опасностей. Но этот орден был самой высокой и, кажется, единственной наградой, с которой Брежнев закончил войну. А став Генсеком, превратился в трижды Героя Советского Союза и получил бриллиантовый орден «Победа».

При вручении им звания героя городу Новороссийску в 1973 г. были мобилизованы все средства массовой информации, красочно показано волнение от встречи с «Малой землей», слезы и объятия, торжественные слова... По итогам Новороссийск оказался подан как город, оборона которого обеспечила южный фланг всего советско-германского фронта. Он был приравнен к Сталинграду, а Брежнева, сыгравшего там «решающую роль», стали называть «великим солдатом и выдающимся полководцем»⁷.

⁷ Прочитав мемуары одного маршала, Горбачев сострил на заседании Политбюро под обихий хохот: у него, мол, получается, что по-настоящему воевали только на Малой земле, а остальные отсиживались в окопах Сталинграда.

Не исключено, что у Брежнева был комплекс недооцененности его участия в войне. Многие его сверстники с такими же погонями были буквально увешаны орденами. Между тем эта предполагаемая мной обида сыграла позитивную роль, когда Брежнев стал Первым (с 1967 г. — Генеральным) секретарем ЦК КПСС.

Он добился в 1965 г. (к 20-летию окончания Войны) восстановления Дня Победы 9 мая, упраздненного Сталиным. Потребовал, в том числе и от пропаганды, внимания к ветеранам. В селах и городах стали устанавливать памятники погибшим. Были учреждены кое-какие льготы семьям погибших, повышены пенсии самим участникам Войны. Сооружена «Могила неизвестного солдата» с вечным огнем в Александровском саду возле Кремля.

Другое дело, что потом наша Победа обросла мифами (а сам ход Войны — фальсификациями), стала предметом для непомерного ультрапатриотического хвастовства и даже источником реанимации «культы личности» Сталина. Но как бы то ни было, возрождение памяти о Войне — несомненная заслуга Брежнева.

Это не отменяет того колоссального вреда, которое нанес стране идеологически-милитаризованный подход советского Генсека к политике. Он продолжил и даже интенсифицировал участие СССР в гонке вооружений с задачей достичь ракетно-ядерного паритета с Америкой и всем НАТО.

На ВПК направлялось все больше денег. Работали сотни военных заводов. Почти все гражданские производства были так или иначе связаны с ВПК. Функционировали целые «закрытые» города. СССР занял одно из первых мест в экспорте оружия (в основном безвозмездном). «Калашниковыми» завалили весь мир, а его создателя, ставшего косвенной причиной убийства десятков, если не сотен тысяч людей, прославили как героя труда (!) и примерного патриота. Нацелили ядерные СС-20 на столицы европейских стран НАТО.

Все это теперь банальность. Но когда спустя десятилетия вспоминаешь об этом, охватывает отчаяние от преступной глупости и абсурда, от морального цинизма государственной власти. Тем более что одно-

временно тот же Брежнев обнимался и пил водку с Никсоном, находясь с визитом в США. Подписал ОСВ-1 и Хельсинкский акт.

В отличие от победительного настроения Брежнева отношение Горбачева к Войне и ее наследству совсем иное. Он воспринимает ее прежде всего как величайшее несчастье для страны.

Мальчишкой пережил оккупацию. Память о ее ужасах жива в нем до сих пор. А героизм Войны для него олицетворяет его отец — рядовой сапер. А это такая профессия на войне, которая строит и подрывает мосты, кладет гати, минирует и разминирует впереди пехоты и танков и при которой ошибаются только один раз. Тяжелораненый этот простой крестьянин, трудовой человек был для Горбачева непререкаемым авторитетом и носителем высокой нравственности.

Таково, в отличие от Брежнева, личностное начало в восприятии Горбачевым всего, что относится к военным делам.

Став государственным деятелем и возглавив великую державу, Горбачев, разумеется, должен был считаться со значением такого важного для нее института, как армия и ВПК в целом.

И когда он принял на себя бремя ответственности за 60 тыс. танков в центре Европы, за пятимиллионную армию, отрывавшую от полезного труда самую жизнеспособную часть мужского населения, когда СС-20 спровоцировали установку «Першингов-2» с подлетным временем 5 минут до Москвы, когда военные расходы на будущую войну было уже невозможно точно подсчитать, так как они метастазами проникли во все поры народного хозяйства, когда раковой опухолью в экономику и мораль вошла агрессия в Афганистане (и все это удерживало страну в полунищем состоянии), он понял, что не только двигаться вперед, но хотя бы удержаться перед надвигавшейся с Запада волной научно-технической революции невозможно, если не разобраться с проблемой «войны и мира».

Для Брежнева логика «холодной войны» была идеологической аксиомой. Тем более что за этой идеологией на самом деле стояли великодержавные и охранительные мотивы номенклатуры и ближайшего окружения Генсека. Поэтому и получалось, что Брежнев говорил (и, как увидим, даже думал) одно, а делал другое. Не отдавая, полагаю, себе отчета, что он занимается обманом «в мировом масштабе». Ну что ж! Вся партийная политика была пропитана ложью, не только внешняя.

С этим обманом и самообманом, чреватými катастрофой, Горбачев и решил покончить.

Брежнев — это, повторяю, победительный комплекс, неизбежно сопровождаемый патриотической демагогией и милитаризацией страны.

Горбачев — это преодоление пагубного для физического и морального здоровья нации унижительного страха перед внешним миром. Он сам никогда не верил в то, что «империализм, Америка, НАТО» на нас нападут. Потому продолжение конфронтации и гонки вооружений, оправдываемых такой «неизбежностью», — это хуже, чем преступление

перед своей страной, это величайшая ошибка. Третья мировая война действительно была *исторически* исключена после такой второй, которая до основания потрясла человечество в 1939—1945 гг.

Без крутого поворота в мировом развитии, в международных отношениях ничего невозможно было сделать и в собственной стране. Ее нужно было освободить от страха перед якобы нависавшим над нами ракетно-ядерным «41-м годом».

Однако не так прост и примитивен был Брежнев в своем отношении к «войне и миру», как это вроде бы вытекает из только что сказанного. Попытаюсь пунктирно обрисовать его поведение *во внешних делах*.

Интервенция в Чехословакию. Брежнев тогда еще не очень уверенно сидел в «высоком седле»⁸, действовал в струе «неосталинизма» и согласился на это преступление, хотя и неохотно (об этом я еще скажу).

Получив в начале 1970-х «личную власть», он взял курс на разрядку, поддержку Вилли Брандта с его «восточной политикой» и санкционировал подписание Московского договора с ФРГ.

Высмеял Косыгина, предложившего отказать Никсону, собиравшемуся с визитом в Москву (американцы как раз в этот момент разбомбили Ханой). Тем самым продемонстрировал, что уже тогда понимал роль «своей» сверхдержавы в сохранении общего мира, которого не могло быть без контакта с Америкой. Вьетнам в этом контексте был «второстепенной проблемой».

Впервые я увидел Брежнева вблизи в конце 1967 г. в Завидово при подготовке для него доклада к предстоявшему Международному совещанию коммунистических партий. Он тогда еще только входил во вкус власти, только что был переименован из Первого секретаря ЦК КПСС в Генерального секретаря. Формально еще сохранялось «коллективное руководство» — демагогический принцип, с помощью которого скинули Хрущева. Существовал еще так называемый «треугольник»: Брежнев — Подгорный — Косыгин (то есть Генсек ЦК, Председатель Президиума Верховного Совета СССР и Председатель Совмина СССР).

В самом начале 1968 г. Брежнев, оставив группу спичрайтеров в Завидово, улетел в Прагу — на неделю, по настоятельной просьбе чехословацкого руководства, которое возглавлял Новотный. И вдруг через пару дней вернулся. Объяснил так: меня, говорит, там чуть на части не разорвали. У них такая заваруха в руководстве... День и ночь рвались ко мне — то один, то другой. Каждый валит на соседа, все клянутся в верности и все просят поддержки против другого. Я послушал, послушал и решил: на кой черт встречать мне во всю эту кашу! Пусть сами разбираются. Послал их всех... сел в самолет — и домой!

Что было через полгода, знает весь мир. Доломали Леонида Ильича, запугали.

Второй раз я близко соприкоснулся с Брежневым в 1972 г., когда он уже вошел в роль беспрекословного лидера.

⁸ Бовин рассказал мне о таком эпизоде из времен XXIII съезда, когда в центре внимания зарубежной прессы были слухи насчет того, что Брежнев — это временно, а грядет «железный Шурик» (Шелепин). Приходили, говорит, ко мне «его ребята» звать к себе. Нам, говорят, нужны умные люди. Что ты прилип к бровастому? Ему не долго быть! А у нас все уже почти в руках. Я посмотрел на них и ответил: «Ребята! Я вас не видел, и разговора никакого не было». «Ну как хочешь. Только смотри — пожалеешь!» Можно ли пред- ставить себе нечто подобное в 1970-х годах?!

Арбатов, Бовин и я были вызваны к Генсеку для подготовки очередного его публичного выступления. И оказались невольными слушателями очень примечательного его разговора по телефону со своими коллегами. Именно тогда, при нас, Брежнев в разговоре с Громыко издевался над Косыгиным, предложившим отказать в визите Никсону и вмешаться во внутренние дела Пакистана.

Генсек обнаруживал гораздо бóльшую политическую основательность по сравнению со своими «соратниками» и вполне заметное презрение к двум другим «сторонам треугольника» (Подгорному и Косыгину).

По другому случаю Генсек так отозвался о Пономареве (секретаре ЦК, зав. Международным отделом ЦК, «теоретике» мирового революционного процесса): он, мол, все про империализм да про империализм... А времена-то изменились. И империализм-то по-разному выглядит в зависимости от того, кто его представляет...

Во время визита Брежнева в США (июнь 1973 г.) наша печать наполнилась «деловыми объятиями» с Америкой. Был заключен ряд соглашений, в том числе об ограничении ядерной гонки.

По телевизору — впечатляющие сцены с Брежневым в США: добродетельность, открытость и даже какая-то приятельская манера в общении с Никсоном, его женой, сенаторами, деловыми кругами и т.д. Будто перечеркнут одним махом весь взаимный лай, продолжавшийся четверть века. Комментатор передал оценки американских газет: Брежнев действовал как крупный политик, государственный деятель мирового масштаба, который видит перспективу, с мужеством и смелостью, необходимыми для такого поворота.

Прочитирую из выступления Никсона в Конгрессе:

«Америке представилась беспрецедентная возможность. Еще никогда не было такого времени, когда надежда была бы более оправданной, а наша самоуспокоенность — более не столь опасной. Мы положили хорошее начало. И поскольку мы сделали первый шаг, история ныне возлагает на нас особую ответственность за доведение этого дела до конца. Мы можем использовать этот момент или упустить его, мы можем воспользоваться этой возможностью для возведения нового здания мира на Земле или дать ей ускользнуть. Поэтому давайте вместе воспользуемся этим моментом, чтобы наши дети и дети повсюду на Земле освободились от страха и ненависти, которые были уделом человечества на протяжении многих столетий.

Тогда историки будущего, оглядываясь на 1972 г., не напишут, что это был год, когда Америка поднялась на вершину переговоров на высшем уровне, а затем вновь спустилась в долину. Они напишут, что это был год, когда Америка помогла вывести человечество из низины постоянной войны на возвышенность прочного мира».

Наедине Никсон заверил Брежнева (в связи с проблемой Китая, с которым США только что наладили контакт): «Помните и верьте мне, я никогда ничего не сделаю, что повредило бы Советскому Союзу».

Киссинджер сказал Добрынину (для передачи, разумеется): «Президент огорчен исходом экономических переговоров. Мы, понятно, скованы — фирмы не хотят, им невыгодно. Но мы сделаем все, чтобы уже в этом году заключить торговый договор. И он будет вам выгоден. Уверяю вас».

Киссинджер и Никсон, возможно, склонялись в тот момент к позиции той части американской общественности, которая полагала, что лучший способ не допустить ядерной войны — это поднять благосостояние советского народа до американского уровня, «со всеми вытекающими».

Госсекретарь США сообщил также нашему послу, что президент предложит осенью такое (в сфере разоружения), что должно «вам очень понравиться».

Все это вроде шло вразрез с идеологией «холодной войны», с которой тогдашняя наша «элита» не собиралась расставаться. В письме ЦК к партактиву по итогам визита Никсона, наряду с деловой информацией и «взвешенными» оценками, содержался обзор «писем трудящихся» по поводу выступления Никсона по телевидению. Мол, лицемер, верить нельзя, говорит о мире, а сам в это время убивает женщин и детей во Вьетнаме. Сопровождалось это похвалами в адрес «политической зрелости советских людей».

Профессор Ковалев, заведующий кафедрой научного коммунизма МГУ, сетовал: «Как же так получается? Конечно, мир — это хорошо. Ленин тоже был за мир. Но ведь вот мы заключаем экономические соглашения с капитализмом на 30—50 лет... Подводим материальную структуру под мирные отношения. А вместе с тем и повязываемся накрепко с капиталистами. И помогаем им выходить из кризисов и т.п. Значит, мы исходим из того, что 30—50 лет там никакой революции не будет? Как же нам теперь преподавать научный коммунизм, говорить об умирающем капитализме?»⁹

Нужна была действительно политическая воля, чтобы поставить нашу закосневшую в идеологическом идиотизме номенклатуру перед фактом перемен хотя бы в тональности, в форме общения с противником в «холодной войне».

Брежнев, видимо, готов был осуществлять такое давление. Миттеран, который вскоре оказался в Москве, возглавляя делегацию Французской соцпартии, на переговорах с Суловым, Пономаревым, Загладным восхищался Брежневым не просто как государственным деятелем, а как коммунистом, качества которого (именно как коммуниста) позволили ему стойко, упорно, неуклонно вести внешние дела к поставленной цели и добиваться своего, несмотря ни на что.

Сопоставьте вступительную речь Брежнева при вручении Ленинской медали мира с докладом Сулова на этом мероприятии. Разница бросается в глаза. Доклад состоит из железобетонных штампов: «кризис империализма», «классовая внешняя политика», «бескомпромиссная идеологическая борьба, которая будет обостряться», и т.п. Весь пафос —

⁹ Ковалев, положим, мудака ex officio. Но дело в том, что он представлял не просто профессоров и часть аппарата. Это был целый социальный слой, охватывающий несколько поколений. Его уже не переделаешь, а главное — из него не сделаешь умного сторонника нового. Без волевого, на уровне Генсека, давления на менталитет этого слоя ничего не могло измениться.

только наш путь правилен, только такая партия, как наша, приводит к победе (NB!).

Подход Брежнева шире и мудрее. Во вступительном слове перед докладом Суслова он сказал, между прочим: «Человечество выросло из колычуги „холодной войны“, оно хочет дышать вольно и свободно».

Жоберу (министру иностранных дел Франции) 4 августа 1973 г. он пообещал выходить на связь СЭВ—ЕЭС. Заодно врезал: «Против кого вы, французы, вооружаетесь, совершенствуете ядерное оружие и т.п.? И это в обстановке разрядки с США — вашим союзником? Против ФРГ вы и так накопили бомб сверхдостаточно. Остаемся во врагах мы — СССР. Это нам не нравится и начинает беспокоить».

Жобер в ответ: «Вы, господин Брежнев, сами недавно говорили, что борьба двух систем продолжается и разрядка ее не отменяет, что цели и идеология этих систем непримиримы и противоположны. К тому же Вы, господин Генеральный секретарь, не вечны».

Осенью 1973 г. разразилась развязанная Египтом очередная война на Ближнем Востоке. И Садат, президент Египта, оглянуться не успел, как израильские танки оказались в 50 км от Каира.

Совместные действия Вашингтона и Москвы помогли остановить войну. Киссинджер трижды приезжал в Москву согласовывать подходы. Задействовали Совет Безопасности ООН, резолюция которого потребовала от Тель-Авива и Каира прекратить огонь в течение 12 часов. И была выполнена.

Вскоре после этого состоялся такой разговор Громыко с Брежневым. Как, мол, Леонид, дальше будем действовать-то (на Ближнем Востоке)? — спросил министр.

Брежнев: «Участвовать в переговорах, причем настойчиво и повсюду. Мы на это имеем право и обязанность. Будем участвовать в гарантиях границ. Причем — границ Израиля, потому что именно о них идет речь, они — яблоко раздора. В подходящее время восстановим дипотношения с Израилем. И — по своей инициативе! Да, именно так».

Громыко: «Но арабы обидятся, шуму будет...»

Брежнев: «А пошли они... Мы им предлагаем сколько лет разумный путь. Нет — они хотели повоевать. Пожалуйста! Мы дали им технику, новейшую — такую, какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное — в артиллерии, а в противоздушных и противотанковых средствах — абсолютное превосходство. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять завопили, чтоб мы их спасали. Садат меня дважды среди ночи подымал по телефону: „Спасай!“ . Требовал послать советский десант, причем немедленно! Нет! Мы за них воевать не будем. Народ нас не поймет. А мировую войну затевать из-за них — тем более не будем. Так-то вот. Будем действовать, как я сказал».

На Политбюро «подводились итоги» прекращения войны во Вьетнаме. Брежнев там заявил, между прочим: главное, что на Западе отмечают «твердость Брежнева в борьбе за разрядку». И все больше

верят, что линия XXIV съезда — не конъюнктура, а принцип. «Поэтому, — подчеркнул он, — не гнать по-прежнему военную технику во Вьетнам. И Садат пусть подумает, что и для него значит окончание войны во Вьетнаме. Андропову и Громыко поручим изыскать новые пути к контактам с Израилем. Прежние попытки — безрезультатные. Сидеть, порвав отношения, — это не политика».

Пойдем дальше... за Брежневым. Обсуждали в Завидово международный раздел к его докладу на XXV съезде. Он вдруг завелся. Вспомнил Хрущева, который, по его словам, оставил такое положение, что начать двигаться к миру стало труднее, чем за десять лет до 1964 г. «В Карибском деле пошел на глупую авантюру, а потом сам в штаны наложил. Я не забуду, в какой панике Никита то пошлет телеграмму Кеннеди, то „с дороги“ требует задержать ее, отозвать. А все почему? Потому что хотел об...ать американцев. Помню, на Президиуме ЦК кричал: „Мы в муху в Вашингтоне попадем ракетой!“ И этот дурак Фрол Козлов (*при Хрущеве фактически второй секретарь ЦК*) ему вторил: „Мы держим пистолет у виска американцев!“ А что получилось? Позор! И чуть в ядерной войне не оказались. Сколько пришлось потом вытягивать, сколько трудов положить, чтоб поверили, что мы действительно хотим мира. Я искренне хочу мира и ни за что не отступлюсь. Можете мне поверить. Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны».

Сидевший напротив Александров-Агентов (помощник по международным вопросам) заметил на это: «Ну что Вы, Леонид Ильич. 250 миллионов в стране — среди них могут быть и несогласные. Стоит ли волноваться по этому поводу?!»

«Ты не крути, Андрюша, — возразил Брежнев. — Ты ведь знаешь, о чем я говорю. Несогласные не там где-то среди 250 миллионов, а в Кремле. Они не какие-нибудь пропагандисты из обкома, а такие же, как я. Только думают иначе!»

Он сказал это в запальчивости, с нажимом.

Накануне дня рождения Брежнева (19 декабря 1975 г. ему исполнилось 69 лет) в Завидово приехал Громыко. Три часа они беседовали с глазу на глаз. Мы, спичрайтеры, решили, что Громыко приехал поздравлять — они ведь считались друзьями. На утро, за завтраком, Л.И. как бы невзначай бросил: «Вот Громыко отпросился от Японии — он ведь туда по решению Политбюро должен был ехать в начале января. Я согласился: оно, конечно, — неохота ему Новый год портить подготовкой, поездка трудная. Да и смысла особого нет: они хотят островов, мы им их не даем. Так что результатов все равно никаких не будет. Ничего не изменится, поедет он или не поедет».

Александров насупился, побледнел, потом взорвался: «Неправильно это, Леонид Ильич. Мы серьезное государство? Мы должны держать слово? Или нам плевать? Мы четырежды обещали, японцы уже опубликовали о визите в газетах. Мы с их престижем должны считаться? Или мы совсем хотим отдать их китайцам? Громыке, видите ли,

Новый год не хочется портить. И решение Политбюро для него ничто! Приехал отпрашиваться! Неправильно вы поступили, Леонид Ильич!»

Брежнев, явно не ожидавший такой атаки, ответил: «Он попросил — я согласился...»

Александров снова: «Вот и неправильно, что согласились. Киссинджер пять раз в этом году в Японии был. Тоже ведь ничего, кажется, не изменилось. Но не изменилось в пользу американцев. А наш Громыко в Бельгию, Италию, во Францию, еще куда-то — пожалуйста. А как действительно сложную работу делать, ему „не хочется Новый год портить“. Надо разговаривать с японцами. Пусть, как Вы говорите, мы ничего не можем сейчас дать им. Но надо вести переговоры, показывать свою добрую волю. Это крупнейшая страна, и она хочет иметь дело с нами. Этим стоит дорожить, считаться с этим. В этом и смысл дипломатии. Неправильно Вы поступили, Леонид Ильич».

Вмешался Блатов (второй помощник по международным делам). Что-то проговорил в том же духе своим методичным нудным тоном, но достаточно настойчиво. Другие заговорили в их поддержку. С каждой минутой Брежнев мрачнел, но отпихивался репликами, пытался перевести разговор. Потом встал, шмякнул об стол салфеткой: «Хорошенький подарочек подготовили вы мне ко дню рождения!» И ушел из-за стола.

Мы вскоре переместились в «зимний сад». Сели работать, но дело не шло. Через час вошел Брежнев. Направился прямо к Александрову: «Ты победил, Андрюша. Сейчас я целый час разговаривал с Громыко. Сказал ему, чтобы он ехал в Японию».

В другой раз пошел еще один разговор в таком же духе. Брежнев напомнил, что на переговорах в Вене натовцы выступили с предложением: они убирают из Европы тысячу ракет с ядерными головками, а мы — тысячу танков. Это для начала, чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки. «С точки зрения безопасности, — уточнил Л.И., — препятствий вроде нет. Ни американцы, ни немцы на нас после такого соглашения не нападут. Тут и бояться нечего. Вопрос в другом: друзья в социалистических странах будут против. Им наши танки нужны по совсем другим причинам. А то я бы и не на такое соглашение пошел. Не знаю, слышал ли ты об этом (*обратился он к Александрову*)? Нет? Об этом знает только Суходрев (*переводчик*). Я это говорил с глазу на глаз Никсону. Я ему предложил: давайте наш Верховный Совет и ваш Конгресс торжественно заявят, что никогда каждая из наших стран ни под каким видом не нападет на другую ни ядерным, ни каким другим способом. Примем такие законы и объявим об этом на весь мир. И добавим, что если кто-либо третий нападет на одного из нас, другой сможет обуздать нападающего. Никсон очень, помню, заинтересовался этим предложением. Но потом его затравили и сбросили. Так это все и кануло.

А теперь вот даже после Хельсинки и моей встречи с президентом Фордом Киссинджер и всякие сенаторы требуют вооружать Америку

еще больше, требуют, чтоб она была самая сильная. Угрожают нам — то из-за нашего флота в океане, то из-за Анголы, то еще что-нибудь придумывают. А Гречко (*министр обороны*) — ко мне. Вот, говорит, нарастили здесь, угрожают повыситься тут. Давай, говорит, еще денег — не 140 млрд., а 156. А я что ему должен отвечать? Я председатель Военного Совета страны, я отвечаю за ее безопасность. Министр обороны мне заявляет, что, если не дам, он снимает с себя всю ответственность. Вот я и даю, и опять, и опять. И летят народные денежки...»

НАТО вскоре все же вернулось к идее заключения пакта. Брежнев же, обидевшись, сказал: «Нет!».

За день до отъезда из Завидово, вечером после охоты Брежнев зашел в комнатку, где мы обычно отдыхали. Пошутил по поводу мрачного вида Александрова. Тот завелся.

Брежнев: «Ну что ты опять нервничаешь...»

«Да, нервничаю. И не могу иначе. Вот что, например, делать с предложением НАТО? Очень легко сказать „нет“. Но ведь есть большая политика. Хотим мы продолжить разрядку или только говорим, что хотим? Мы же согласились, „что политическую разрядку надо дополнить военной“. А теперь что получается? Сами ничего не предлагаем. Они же предлагают совсем невинную вещь. У нас в соцстранах 16 тыс. танков. Что изменится, если там будет 15 тыс.? Ничего абсолютно! Ничего не изменится и у них, если они выведут тысячу устаревших ракет. Но разрядка выиграет. Потому что все увидят, что мы готовы разговаривать и что-то делать по вопросам гонки. Если же мы скажем просто „нет“, понесем ущерб только мы. Будьте уверены, что их средства пропаганды используют наше „нет“ наилучшим образом».

Брежнев встал и ушел. Андрей за ним, жестикулируя и что-то объясняя. Брежнев крикнул, оглянувшись: «Ужинать!». Но, спустившись вниз, он завернул в комнату охраны (там же узел связи) и минут сорок говорил по телефону. Вышел и объявил: «Поручил Гречке готовить предложения. Пусть подумают, как отреагировать на натовский ход... И велел ему провести до приезда Киссинджера (*в январе 1976 г.*) какие-нибудь маневры и пригласить туда натовцев».

Для нашей темы в приведенных сюжетах особенно показательно, что столь всемогущий человек, глава сверхдержавы, по государственным полномочиям сравнимый с абсолютным монархом прежних времен, позволял разговаривать с собой в таком тоне, так навязывать себе политическое поведение.

И еще из Завидово. Как-то вечером за ужином включили телевизор. Там что-то про предстоящую Олимпиаду. Брежнев говорит: «Какой это дурак предложил устраивать ее в 1980 г. в Москве?! Это же глупость! Угрожаем кучу денег, а зачем это?» Тем не менее Олимпиада состоялась...

Какова же в конечном счете была позиция Брежнева по проблеме «война и мир»? Он действительно был *за мир*. Пожалуй, единственный

в советском руководстве ощущал громадную ответственность СССР за недопущение мировой войны, ядерной. А раз Генсек сверхдержавы так считал — этого по тем нашим временам было более чем достаточно, как бы ни ворчали несогласные.

Особо приближенные ученые и интеллигенты-аппаратчики, которых Брежнев допустил к подготовке своих речей, не раз убеждались в его откровенности, искренности в отстаивании мира. Перед ними был непоколебимый «сторонник мира» (прошу прощения за штамп, тогда он звучал). *И здесь его роль действительно «историческая».*

Если бы не «Чехословакия-68», на что он пошел, как я уже говорил, скрепя сердце и не будучи уверенным в прочности своего положения, если бы не «Афганистан-79», на который его сподобила тройка членов Политбюро, пользуясь его физической и психической беспомощностью (он к тому времени почти утратил представление о происходящем вокруг), то, думаю, он вполне заслуживал бы Нобелевской премии мира. Во всяком случае, по делам своим в пользу мира Брежнев был бы достоин ее больше, чем все, кто получил ее в 1970-х годах. Конечно, представить себе Брежнева Нобелевским лауреатом по тем временам — чистая фантастика. И все-таки...

Тем не менее при Брежневе разрядка не могла стать необратимой, перерасти в нечто большее — какие бы разумные заявления ни делались, какие бы красивые миролюбивые речи ни произносил сам Генеральный секретарь ЦК КПСС и какие бы конкретные шаги вполне на уровне здравого смысла ни предпринимались. Система и ее механизмы исключали перемену стратегического курса, определяемого «непримиримой» идеологией. При всем своем миролюбии Брежнев бдительно берег основные опоры системы, такие как ВПК, КГБ, закрытость общества, цензура, репрессивная идеология, фактически сталинистский механизм и аппарат управления, кадровая иерархия и т.д., — и поощрял их укрепление.

Все эти опоры власти давно изжили себя как инструмент служения интересам народа — в том смысле, какой по идее закладывала в них революция 1917 г. Но они по самой своей природе всегда были — и чем дальше, тем больше — враждебны внешнему миру, особенно наиболее динамичной и прогрессивной его части. А поэтому потенциально являлись носителями военной угрозы.

Генсек со своей интеллигентной командой был повязан замшелой и непримиримой партийностью. И мы опоздали еще на полтора десятка лет с прекращением «холодной войны», а значит — и с перестройкой.

На самом деле смысл и содержание брежневской Realpolitik можно условно свести к следующему:

1. Не допустить ядерной войны, добиваясь паритета с США и участвуя в гонке вооружений.
2. Сохранить великодержавный облик страны, удерживая в подчинении социалистический лагерь и его карикатурные отпочкования в тех местах «третьего мира», где получится.

3. Поддерживать авторитет страны... через тайно и явно питаемый страх перед ней и ее военной мощью.
4. Использовать внешние связи в экономических интересах.
5. Позиционировать СССР как образ будущего человечества — через идеологию (пропаганду) и международное коммунистическое движение.

Правда, последние два элемента внешней политики именно при Брежневе потеряли свою жизнеспособность.

Во «всепобеждающую идеологию» коммунизма уже мало кто верил из-за низкого уровня жизни в «цитадели социализма» и попрания в ней прав человека. А международное коммунистическое движение, проведя свое последнее Совещание в 1969 г. в Москве, по сути, приказало долго жить. Существующее в основном на иждивении СССР, оно потеряло значение как фактор мировой политики. Брежнев, политик реалистичный, утратил к МКД интерес, относился с явным пренебрежением к встречам с лидерами компартий и соглашался лишь на формальные (для печати) протокольные выходы к ним при появлении их в Москве или во время визитов в их страны.

Внешняя политика при Брежневе (в том ее составе, который заключен в перечисленных мною пяти пунктах), лишенная всякой перспективы и динамики, стала совсем тупиковой.

А упрямое, исторически уже не оправданное участие Советского Союза в «холодной войне», превратившее ВПК в *главный фактор* существования страны в том ее виде, источник ее самооценки и понимания своей роли в меняющемся мире, столкнуло ее на наклонную плоскость, ведущую к упадку и государственному краху.

Понимал ли Брежнев опасность такого милитаристско-великодержавного курса? То, что приведено на предыдущих страницах, позволяет думать, что да. Но, несмотря на всю его власть, он не был всемогущим. Да и его искреннее миролюбие не трансформировалось в государственную волю необходимого масштаба. Он был слишком советский, слишком партийный деятель.

Я постарался показать, что нелепость, безумие, опасность «холодной войны» ощущались на *самом* высшем уровне в руководстве СССР, самим Генсеком задолго до перестройки. И курс, начатый Горбачевым, был в русле тенденции, которая пробивалась наружу до него, потому что отвечала реальным интересам и потребностям народа.

Для Горбачева проблема «мира и войны» была прямым продолжением внутренних преобразований, направленных на ликвидацию пост-сталинского режима. О них, вернее, о героях нашего сочинения в связи с внутренними делами, речь пойдет дальше.

Что же касается мировой политики на рубеже веков, то, учитывая невидимую «преемственность» от Брежнева к Горбачеву, можно сказать: главное и спасительное здесь слово — *доверие*. Как только проявил качество, обозначаемое этим словом, Брежнев, *произошла разрядка*. Как только положил его в основу своей политики Горбачев, *кончилась «холодная война»*.

Таков в «делах войны и мира» долговременный урок от пребывания во власти этих двух людей.

Несколько зарисовок на тему. Да... доверие. Но не так однозначно оно выглядит, пропущенное через личность Горбачева, через, если угодно, его политическое воспитание.

С Рейганом оно, например, возникало медленно, с трудом. В личном общении Горбачеву открывался человек, а не просто представитель «главного империализма», каковым он воспринимался в СССР и в партии, и в народе, не говоря уже о высоких этажах власти. Не раз, даже после Женевы, когда Рейган начал «влиять и отруливать», Горбачев называл его «подонком», был уверен, что президентом во всем заправляет военно-промышленный комплекс, а СОИ нужна исключительно для того, чтобы навесить над нами космическую угрозу.

Только по результатам своего визита в США Горбачев убедился, что Рейган и впрямь представляет народ, который его избрал, что он искренне озабочен угрозой ядерной войны и действительно хотел бы уничтожить это «ужасное оружие».

Повезло, что госсекретарем при Рейгане оказался мудрый Джордж Шульц. Он сумел доказать Горбачеву, что администрация США (во всяком случае, влиятельная ее часть) действительно хочет взаимопонимания ради устранения ядерного столкновения. Благодаря Шульцу возникло более или менее устойчивое доверие. После визита в Нью-Йорк, где Горбачев произнес свою знаменитую речь в ООН, они встретились накоротке на Губернаторском острове (декабрь 1988 г.). Разговор был почти дружеский, Рейган как бы передавал уже избранному новому президенту Бушу эстафету налаженных отношений. Позже у М.С. появилось даже почтение к Рейгану, который — именно он — сделал решающий шаг к окончанию «холодной войны».

С Бушем-старшим, немножко схожим по характеру с Горбачевым, доверие сложилось после некоторой паузы. Впервые оно затеплилось под влиянием разговора в автомобиле, когда Буш, еще вице-президент, провожая Горбачева на аэродром после первого его приезда в США, сказал, что если он станет президентом, то не сделает ничего во вред его, Горбачева, стране.

Сблизились они на Мальте, а в Хельсинки, куда съехались, чтобы разобраться, что делать с Саддамом Хусейном, перешли «на ты»... по инициативе американского президента (разумеется, «на ты» в англоязычном варианте: стали называть друг друга по имени). Благодаря такому личному доверию удалось в общем-то спокойно отрегулировать проблемы объединения Германии. Буш был уверен, что оно пойдет на пользу и Советскому Союзу. Попытки же остановить этот процесс, полагал он, имели бы тяжелые последствия, в том числе и для СССР.

Считается в определенных кругах, будто Горбачев под конец начал «сгибаться» перед своими партнерами на Западе, особенно перед американцами. Я этого не заметил. Не видел я и чтобы у них, западных лидеров, появилась покровительственная жалость к Горбачеву. Уваже-

ние к нему и понимание значимости этого политика мирового класса сохранялись до конца.

Горбачев переживал, когда пришлось говорить о финансовой поддержке. Но он ее не «просил», а требовал, считая, что его страна, оказавшаяся в трудном положении, вправе рассчитывать на помощь и благодарность за то, что она сделала возможным устранить угрозу мировой ядерной войны.

С Бушем у него на этой почве случился однажды прокол. Было это в Лондоне за день до открытия заседания «большой семерки», куда Горбачев был приглашен (лето 1991 г.). Утром накануне саммита Буш позвал его в американское посольство. Разговор шел обо всем. Вдруг Горбачев, сделав паузу, задал вопрос: «Джордж, а на самом деле каким бы вы, США, хотели бы видеть Советский Союз?».

Буш покраснел и взорвался: «Майкл, я три или четыре раза, не помню уже сколько, говорил, что хотел бы видеть СССР успешно развивающейся на рыночной основе, демократической, свободной и миролюбивой страной, с которой мы могли бы нормально сотрудничать на благо своих стран и всего мира. Чего ты от меня еще хочешь?! Сколько еще раз я тебе должен это повторять?!»

Позже Горбачев гордился своим «вызывающим ходом». Вроде как он заставил президента США «поклониться». В действительности Горбачев дал тут слабину, продемонстрировав сомнение в доверии, которое вроде сложилось, а главное — с тем, чтобы побудить Буша к более «щедрой» позиции на самом саммите.

Горбачеву свойственна была такая, я бы сказал, «обкомовская» манера быстро переходить «на ты» с теми, с кем ему приходилось иметь дело в политике. Исключение делал только для очень пожилых артистов, академиков, писателей, людей много старше его, а также для незнакомых женщин и священнослужителей. То же было и с иностранцами. Он был «на ты» почти со всеми немцами, начиная с канцлера Коля, с премьером и лидером соцпартии Испании Фелипе Гонсалесом, с президентом Финляндии Мауно Койвисто, с премьер-министром Индии Радживом Ганди, с большинством итальянских деятелей, с американскими госсекретарями Шульцем и Бейкером, со многими французскими политиками и, конечно, со всеми из соцстран... Его не смущало, что некоторые продолжали обращаться к нему «на вы». И никого не обижала эта товарищеская и вполне искренняя манера, не воспринималась как проявление превосходства или старшинства.

Особый вариант — Маргарет Тэтчер. Они запомнились друг другу после своей встречи в Чекерсе в 1984 г. Умнейшая красавица, премьер одной из великих держав, увидела в знакомстве с этим необычным Генсеком ЦК КПСС шанс заметно обозначить себя в мировой политике.

Горбачев, у которого сложилось какое-то ироничное восхищение этой женщиной, пренебрег ее антикоммунистическими страстями и, несмотря на то что буквально накануне своего приезда в Москву она произнесла очередную антисоветскую филиппику, не допустил отмены

визита. Потом Политбюро признало, что поступили правильно. Тэтчер «оправдала» гостеприимство действительно большой — в тот момент крайне важной — ролью в инициировании диалога между противниками в «холодной войне», уговорила Рейгана рискнуть и попытаться использовать появление новой фигуры на советском горизонте. И у нее получилось.

У нас и на Западе, когда затрагивают тему «Горбачев—Тэтчер», пробрасывают намек: мол, помимо политического интереса друг к другу, между ними проскочил ток интимного магнетизма. Я не исключаю этого, хотя Горбачев на этот счет никогда при мне не проговаривался.

Но сидя рядом с ним на переговорах tête-à-tête в Кремле и на Даунинг-стрит, я, казалось мне, ощущал действие этого тока. Может быть, потому, что сам был очарован отточенной красотой этой женщины, ее быстрым и точным умом, умением держаться, мастерством полемики.

В разговорах основательных и серьезных по тональности, на самые разные темы, в том числе о перестройке и ее собственной реформаторской деятельности, Горбачев походя шутливо отбивался от ее инвектив в адрес коммунизма. А когда речь заходила о ядерном оружии, просто ее разыгрывал, недоумевая, как это она — женщина! — может так яростно отстаивать необходимость сохранения такого человеконенавистнического средства. Она напрягалась, суежилась, нервничала...

В результате неоднократных встреч и очень откровенных бесед Горбачев и Тэтчер можно сказать (если можно?) «подружились». Во всяком случае, уважение друг к другу было на очень высоком уровне.

Не могу без волнения вспоминать сцену их последней встречи в качестве лидеров своих стран.

Окончилось знаменитое общеевропейское Совещание (ноябрь 1990 г.), принявшее Парижскую хартию о будущем единой Европы. Тэтчер заехала в наше посольство — резиденцию советского президента. Они долго разговаривали: у него дома нарастающие трудности и неприятности, а ее ждало в Лондоне намерение своих же тори ее свергнуть. Вместе вышли на крыльцо посольского особняка на улице Гренель. Попрощавшись, она спустилась к машине и уже перед открытой для нее дверцей оглянулась, сделала какой-то жест на уровне пояса, будто перекрестила, и произнесла вполне внятно: «God save you!» (по-русски звучит выразительнее: «Храни Вас Господь!»).

Думаю, это было не только пожелание справиться с проблемами, но и некий эмоциональный порыв. А то, что «коммунист № 1» удостоился такого от надменной властной христианки, характеризует и его как человека.

Можно привести и другие факты для раскрытия понятия «доверие». Но уже этого достаточно, чтобы показать, что эта политическая категория приобрела эффективность потому, что включила так называемый горбачевский «человеческий фактор».

Окончание следует